

Константинов Михаил Сергеевич

МОДЕЛЬ НЕЛИНЕЙНОГО МЫШЛЕНИЯ М. К. ПЕТРОВА КАК ПРОЕКТ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ГНОСЕОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК

Статья посвящена анализу модели нелинейного мышления, предложенной видным отечественным учёным и философом М. К. Петровым для преодоления кризисной ситуации, сложившейся в гносеологии современных социальных наук. Особое внимание уделяется мировоззренческим и методологическим предпосылкам данного кризиса. По мнению автора, последовательная реализация в исследовательской практике основных принципов модели нелинейного мышления М. К. Петрова будет способствовать преодолению кризиса гносеологии социальных наук.

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/28.html

Источник

Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики

Тамбов: Грамота, 2012. № 6 (20): в 2-х ч. Ч. I. С. 119-124. ISSN 1997-292X.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/3.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/3/2012/6-1/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: voprosy_hist@gramota.net

8. Кучкин А. П. Советизация казахского аула: 1926-1929 гг. М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1962. 432 с.
9. Резолюции V Всеказахстанской конференции РКП(б). Кзыл-Орда: Казкрайком РКП(б), 1925. 46 с.
10. Резолюции VI Всеказахстанской краевой партийной конференции ВКП(б). Кзыл-Орда: Издание Казкрайкома ВКП(б), 1928. 43 с.
11. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 167.
12. VII Всеказахстанский Съезд Советов: стеногр. отчет и постановления. Кзыл-Орда: ЦИК Казахстана, 1929. 255 с.
13. Систематическое собрание законов Казахской Автономной Советской Социалистической Республики, действующих на 1 января 1930 г. (6 октября 1920 – 31 декабря 1929 г.). Алма-Ата: Издание Управления делами СНК КАССР, 1930. 224 с.
14. Советское строительство в аулах и селах Семиречья: 1921-1925 гг.: сборник документов и материалов. Алма-Ата: Казгосиздат, 1957. Ч. 1. 283 с.
15. Солженицын А. И. Как нам обустроить Россию: посильные соображения / послесл. Э. Сафронова. М.: Патриот, 1991. 62 с.
16. Социалистическое строительство в Казахстане в восстановительный период: 1921-1925 гг.: сборник документов и материалов. Алма-Ата: Изд-во АН Казахской ССР, 1962. 594 с.

AGRARIAN REFORMATIONS IN KAZAKHSTAN IN THE 20S OF THE XXTH CENTURY

Aleksandr Petrovich Kozlov, Ph. D. in History, Associate Professor
Department of History and Political Science
St.-Petersburg State University of Service and Economics
petrovich138@yandex.ru

The author considers the soviet authorities' agrarian policy and the social-economic consequences of the agrarian reformations in multinational Kazakhstan in the 1920s, which poly-ethnic population was conditioned by the special ways of the region colonization, analyzes the reasons of interethnic relations aggravation in the course of agrarian reformations implementation, and pays special attention to the peculiarities of land measuring work and their role in ethnocratic state model formation in Kazakhstan.

Key words and phrases: agrarian policy; land-water reform; land measuring work; soviet "localization policy"; ethnocracy.

УДК 303.01

Статья посвящена анализу модели нелинейного мышления, предложенной видным отечественным учёным и философом М. К. Петровым для преодоления кризисной ситуации, сложившейся в гносеологии современных социальных наук. Особое внимание уделяется мировоззренческим и методологическим предпосылкам данного кризиса. По мнению автора, последовательная реализация в исследовательской практике основных принципов модели нелинейного мышления М. К. Петрова будет способствовать преодолению кризиса гносеологии социальных наук.

Ключевые слова и фразы: гносеология социальных наук; научная парадигма; методологический актуализм; культура; поведение; творчество; модель нелинейного мышления; проект преодоления кризиса гносеологии социальных наук.

Михаил Сергеевич Константинов, к. полит. н.
Кафедра теоретической и прикладной политологии
Южный федеральный университет
konstantinov@sfedu.ru

МОДЕЛЬ НЕЛИНЕЙНОГО МЫШЛЕНИЯ М. К. ПЕТРОВА КАК ПРОЕКТ ПРЕОДОЛЕНИЯ КРИЗИСА ГНОСЕОЛОГИИ СОЦИАЛЬНЫХ НАУК®

Михаил Константинович Петров (08.04.1923–11.04.1987) – один из крупнейших отечественных мыслителей, оставивший огромное научно-философское наследие: сфера его интересов простиралась от философии и методологии науки до исследования теоретико-методологических проблем регионоведения. М. К. Петрова считают одним из основателей культурологии и науковедения в нашей стране. Однако творчество М. К. Петрова до сих пор остаётся сферой малоизученной. Поэтому целью данной статьи является представить взгляды М. К. Петрова на кризис гносеологии современных социальных наук и эксплицировать предложенный М. К. Петровым проект нелинейного мышления как средство преодоления названного кризиса.

По М. К. Петрову, современные социальные науки испытывают кризис, характеризуемый как «поведенческий тупик современности» [8, с 71]. Для объяснительной концептуализации М. К. Петров вводит дистинкцию двух видов человеческой активности как основы социальной жизни: поведения и общения, репродукции и творчества. Репродукция есть «основной тип биологической и социальной деятельности, на котором

держится все то, что мы называем реальностью, действительностью, определённой, объективностью, законом, системой» [7, с. 15]. На репродуктивной основе осуществляется большая часть жизнеотправлений: все навыки, технологические процессы, труд, образование, гражданские и политические, ритуальные процедуры. По своей сути репродукция есть «количественное умножение одних и тех же по качеству схем для того, чтобы получить серию одинаковых результатов», а по функции – «производство для потребления» [Там же]. В основе репродукции находится «закон», остающийся в повторах как «неизменный скелет деятельности» [Там же, с. 16], её программа: «Любая дополнительная деятельность, если она появляется, следует здесь принципу отрицательной обратной связи, то есть уничтожает рассогласования и отклонения – все то, что угрожает выполнению программы и может повести к появлению на выходе “оригинального”, выходящего за пределы допуска» [Там же, с. 17].

Творчество – принципиально иной вид деятельности. Все виды творческой деятельности подчинены запрету на плагиат: «Если в репродукции стабилизировано качество, то в творчестве, напротив, стабилизировано количество, и деятельность здесь направлена на умножение качества» [Там же, с. 16]. Из этого следует, что «функция творчества – производство... репродукции, её обновление и изменение» [Там же]. В основу творческой деятельности положен собственный регулятор: «канон», который «также остаётся в качественных различиях как устойчивое, однако он не программа, а скорее приглашение к творчеству. Если это и “закон”, то “закон с дыркой”, которую всякий раз предлагают штопать самостоятельно и всякий раз новым способом» [Там же, с. 17]. В то время как результатом репродукции является серия идентичных продуктов, то результатом творчества является уникальное произведение – «продукт усилий индивида создать новое качество» [Там же]. Произведение невозможно вывести из «канона», и в этом фундаментальное его отличие от продукта. С учётом этой специфики, методологическая проблема исследования творческой человеческой активности состоит в следующем: «...Творчество есть то, что существует для нас в следах и позволяет себя изучать только по результатам» [8, с. 421].

По мысли М. К. Петрова, современные социальные науки изучают поведенческую структуру общества, игнорируя творческую его составляющую – человеческое общение – в силу «органической неспособности выработанных в европейской традиции логических формализмов интерпретировать творчество: все они приспособлены лишь для кодирования поведенческого знания, связаны с функцией регулирования, “не берут” общение, творчество» [Там же, с. 61]. Это обусловлено особенностями истории развития европейского (научного) мировоззрения. М. К. Петров выделяет следующие ключевые вехи в этом развитии [10]:

- возникновение на палубе пиратского корабля в бассейне Эгейского моря и институционализация в «домах гомеровских одиссеев» социального отношения «слово-дело»;
- развитие понятия безусловного авторитета, упорядочивающего по слову хаос окружающей среды;
- объективация грамматических структур (или логизация бытия) в постулате Аристотеля: «Сколькими способами делаются эти высказывания, в стольких же смыслах обозначается бытие» [1, с. 156];
- развитие аналитического новоанглийского языка, особенностью которого является однозначность форм высказывания;
- фиксация этого изменения в философии Т. Гоббсом, заменившим две причины (формальную и целевую) аристотелевской четырёхпричинной сущности галилеевским принципом инерции;
- возникновение в XVII в. опытной науки;
- философская санкция Г. В. Лейбница методологического актуализма в виде постулата: «Свойства вещей всегда и повсюду являются такими же, каковы они сейчас и здесь» [5, с. 389].

Постулат Г. В. Лейбница философски санкционирует расширение глубин дисциплинарных вечностей, позволяя открывать законы в природе, что делает его весьма полезным в естественных науках. В социальных науках методологический актуализм реализуется в виде принципа восхождения от регулярностей поведения к структуре: индивид – роль – ролевой набор – институт – социальное целое. Объясняя поведенческие, структурные аспекты общества, методологический актуализм абсолютно неадекватен для объяснения сферы человеческого общения и, как следствие, для анализа изменений социальной реальности. В таком контексте вполне логично обращение М. К. Петрова к исследованию языка как главного средства человеческого общения и к анализу методологических проблем современного языкознания.

На примере лингвистики М. К. Петров эксплицирует свидетельства кризиса традиционной парадигмы социального знания [8, с. 232-237]. По его мнению, в рамках этой парадигмы невозможно объяснить следующие «открытия-аномалии» (в терминологии Т. Куна [4, с. 79-96]).

1. Закон рангового распределения Дж. Ципфа [13]. Суть его в следующем: произведение ранга слова на частоту словоупотребления есть величина постоянная для связного текста, т.е. частота употреблений наиболее часто встречающегося слова (1-й ранг) определит объём всех последующих рангов, причём порядковый номер ранга будет показывать число входящих в него слов, и в последнем ранге окажутся слова, лишь единожды употреблённые. По мнению М. К. Петрова, действие этого закона распространяется на всю сферу человеческого творчества – «от распределения населения по городам до расположения инструментов на верстаке столяра, книг на стеллаже учёного... Независимо от Ципфа близкое распределение было вскрыто Парето при исследовании банковских вкладов, Урквартом при анализе запросов на литературу, Лоткой в анализе авторской продуктивности ученых. Даже боги Олимпа, с точки зрения их нагрузки навыкообразующими и навыкосохраняющими функциями, ведут себя по закону Ципфа» [7, с. 153].

2. Гипотеза «глубины памяти В. Ингве» [3] предполагает, что процесс беглой речи есть многоуровневый синтез различений в единицы более высокого порядка (фонема – слог – слово – член предложения – простое предложение – сложное предложение – группа предложений). Из объёма быстродействующей человеческой памяти (способность удерживать одновременно 7 ± 2 различения) следует, что «смысл как подлежащая передаче целостность оказывается фрагментированным и распределенным по серии связанных этим смыслом в целое предложений, каждое из которых удовлетворяет требованиям глубины, а сам процесс восприятия, понимания речи приобретает инкрементно-кумулятивный характер извлечения частиц смысла из линейной последовательности предложений и складывания их в смысловую целостность» [8, с. 233-234].

3. Открытие Д. Прайсом «сетей цитирования» [12]. «Прайс показал, что ссылки в любой дисциплине образуют единую сеть цитирования, используются как средство интеграции элементов накапливаемого дисциплиной знания в общедисциплинарную целостность, что процесс наращивания сетей цитирования преемственен и идёт в соответствии с законом Ципфа» [8, с. 234]. Ссылаясь на открытие Д. Прайса, М. К. Петров подчёркивает, что совокупность отчуждённых результатов творческой деятельности формирует целостный текст, в котором реализован всё тот же принцип обращения и опосредования нового наличным.

4. Открытие «теоретического ценообразования» Ю. Гарфилдом [2]. Суть этого открытия состоит в том, что все истории во всех дисциплинах пишутся с ориентацией на пики цитирования, то есть «используют не авторское значение, а ту интерпретацию вклада автора, которая возникает в процессе цитирования, и о которой автор, особенно если он древний, не мог и подозревать» [8, с. 235-236].

5. Широко известная «теория научных революций» Т. Куна [4]. Революции (смена дисциплинарных парадигм) в науке происходят при накоплении и попытках объяснения «открытий-аномалий» [Там же, с. 79-96] и завершаются переписыванием истории в рамках новой парадигмы и в её терминах. В интерпретации М. К. Петрова открытие Т. Куна формулируется следующим образом: «...В историях дисциплин... возникают разрывы преемственности взаимопонимания, и любая интерпретация истории дисциплины, если она подчинена господствующей в данный момент парадигме... видит в прошлом то, чего там заведомо не было, и видит под таким углом зрения, который был заведомо чужд тем, кто создавал историю дисциплины в прошлом» [8, с. 236].

6. И, наконец, последнее: смещение интереса в науковедении с непосредственной исследовательской деятельности на «переднем крае» научного познания к «тылам» науки, обеспечивающим преемственность подготовки научных кадров.

По мнению М. К. Петрова, названные шесть «открытий-аномалий» свидетельствуют о кризисе традиционной парадигмы языкознания, в основе которой находится аристотелевский постулат тождества слова и бытия и «отмеченности» смыслом предложений [8, с. 232; 10, с. 72]. Для разрешения этого кризиса М. К. Петров предлагает дополнить лингвистический анализ четвёртым уровнем – уровнем «смыслодержающих и смылсохраняющих языковых единиц, в которые распределялся бы весь накопленный в актах речевого общения и накапливаемый корпус языкового значения» [10, с. 62], т.е. уровнем текста. Однако, несмотря на несомненную значимость для языкознания, само по себе это методологическое решение ещё ничего не даёт для изучения сферы общения: «...Многое уточняя и освобождая лингвистику от ряда иллюзий... новая парадигма с точки зрения обоснованности её постулатов оказалась бы в столь же сомнительном положении как и традиционная» [Там же, с. 73], поскольку положенный в основу предлагаемой парадигмы принцип уникальности текста не поддаётся строгому научному исследованию и грозит обернуться противоположностью научного мышления – релятивизмом.

Поэтому М. К. Петров от анализа средств человеческого общения предлагает обратиться к анализу его предмета – знанию как «продукту мышления, который соотносён с тем или иным типом объективной реальности и создан по априорно заданному набору правил и требований» [8, с. 493] и к закономерностям его социальной организации. В результате этого анализа, заимствованная из лингвистики и спроецированная на социальную сферу человеческого общения в целом, идея целостности текста находит своё выражение в семиотической концепции культуры [10].

В культуре, по мысли М. К. Петрова, накапливается и транслируется следующим поколениям актуальное социальное знание. Знание это настолько велико, что не может уместиться в памяти одного человека. Поэтому общество дробит отчуждённый от индивидуальных носителей знаковый текст социальности в посылки для человека фрагменты, ассоциированные с конкретными «интерьерами деятельности»: «В рамках отношения “фрагмент знания – смертный индивид” фрагмент задаёт индивиду через наследуемые им программы социально значимой деятельности вполне определённый круг реалий окружения, алгоритмы воздействия на эти реалии, орудийные арсеналы, формы конечного продукта и тип» [Там же, с. 33]. Основным принципом организации этих «интерьеров» является принцип «человекоразмерности», разработанный М. К. Петровым на основе гипотезы В. Ингве: «В свете ограничений по глубине синтаксические правила, “категории сказуемости”, могут отражать не всеобщие определения бытия, как это молчаливо предлагается традиционной парадигмой исследования со времени Аристотеля... а необходимость “дозировать” смысл по мере вместилища головы человека, фрагментировать его в доступные для восприятия части» [Там же, с. 63].

Важность изучения «интерьеров деятельности» и их связей с социальным целым обусловлена тем фактом, что индивид имеет возможность внести изменения в существующую социальную структуру исключительно посредством «своего интерьера»: «...В любых типах [культуры] попытки воздействовать на закодированную в массиве знания сумму обстоятельств идут через фрагменты, этот массив образующие» [Там же, с. 34]. Таким образом, спонтанно возникающие социальные институты, организующие «интерьеры деятельности»,

всякий раз имеют характеристики чёткой соотнесённости с возможностями обычного человека и опосредованности нового института наличными. Именно эта специфика определяет закономерности человеческого общения, не допускающего интерпретацию в терминах методологического актуализма и аристотелевского принципа объективации грамматических структур. Методологический актуализм представляет социальную реальность в виде действующих независимо от человека «слепых» автоматизмов, что, как говорилось выше, вполне приемлемо для естественных наук, но совершенно неадекватно для наук социальных. Аристотелевский принцип, напротив, за каждым феноменом социальной реальности полагает существование некоего «творца», отчуждённого от человека в трансцендентальную сферу отвлечённых категорий, – некоей «первопричины» в виде абсолюта, организующего мир «по слову» своему.

Проблема заключается в том, что выработанные в европейской научной традиции логические формализмы оставляют только две эти возможности: либо натурализация процессов творчества с последующей натурализацией их результатов, либо приписывание социального творчества неким знаковым сущностям. Ни то, ни другое, по мнению М. К. Петрова, недопустимо: в первом случае творчество, как процесс, «ускользает» от научного анализа, а социальные институты – результаты этого творчества – представляются в виде неких «естественных» установлений с соответствующими естественным объектам характеристиками; второй подход приводит к «удвоению миров» с последующим перекладыванием ответственности за принимаемые решения на некоторую «авторитетную инстанцию» – Бога, Героя, Истинную теорию, Прогресс, Эволюцию, Линию развития и т.д. [7, с. 110], – что противоречит материалистическому пониманию истории и, по мнению М. К. Петрова, является не более чем знаковым фетишизмом [8, с. 377]. Тот факт, что в современном обществе в роли такой «авторитетной инстанции» выступает наука, ничего не меняет в сути дела: приписывание науке чудесных способностей решать социальные проблемы есть такой же знаковый фетишизм.

Гораздо сложнее оказывается решить проблему натурализма в понимании природы социальности, не впадая при этом в крайности релятивизма. М. К. Петров отказывается наделять социальные институты статусом «естественности», предлагая рассматривать их исключительно в качестве «объектов, сотворённых... усилиями предшественников живущего поколения» [Там же, с. 394]. В мировоззренческом плане это означает радикальный отказ от актуалистского мифа нейтральности учёного по отношению к объектам исследования и актуализацию принципа «революционной практики» по отношению к полученным результатам: «Открывающая позиция учёного... должна быть дополнена позицией активного вмешательства в эти структуры, институты и иные составляющие социальности – позицией очевидно невозможной по отношению к “естественным” объектам...» [Там же, с. 395]. В методологическом плане из этого следует признание главной функцией социальных наук функции проблемообразования, т.е. выявления и таймирования социальных проблем с последующим оперативным их решением в практической целенаправленной деятельности живущего поколения людей.

Эта позиция отнюдь не означает реализацию принципа волюнтаризма в исследовании и проектировании социальных институтов, но лишь избавляет социальные науки от несвойственных им функций божественного предвидения, что очень хорошо прослеживается в том, как М. К. Петров формулирует проблему глубины дисциплинарной вечности в социальных науках. От глубины дисциплинарной вечности напрямую зависит глубина предвидения и прогнозирования социальных процессов и, соответственно, обоснованная политика в отношении этих процессов: «Если вечность не ограничена, как это имеет место в естественных дисциплинах, не ограничено и предвидение» [Там же, с. 396].

Аргументы М. К. Петрова весьма напоминают попперовскую критику историцизма в социальных науках [11]. У М. К. Петрова мы обнаруживаем четыре источника непредсказуемости, сокращающие «глубины дисциплинарных вечностей» и, соответственно, способность социальных наук делать обоснованные предсказания: «...а) по качеству события (нельзя предсказать открытие или изобретение); б) по субъекту события (нельзя предсказать, кто откроет или изобретет); в) по лагу-задержке (нельзя предсказать, когда изобретут или откроют); г) по составу ссылок преемственности (нельзя предсказать, с какими из наличных событий войдёт в связь новое)» [8, с. 60]. Проблема глубины дисциплинарных вечностей социальных наук особенно актуализируется новыми характеристиками объекта исследования – современного общества: под воздействием научно-технической революции индустриальные общества приобретают характеристики нестабильности и неравновесности.

Осознание социальными исследователями – прежде всего под влиянием трудов К. Р. Поппера [11] – этих проблем привело к релятивизации социального знания, делающей акцент на своеобразии и непредсказуемости социальной жизни. Отвечая на аргументы релятивизма, М. К. Петров указывал, что наряду с источниками непредсказуемости в социальной жизни есть уравнивающие их источники стабильности, которые делают методологически возможным существование социальных наук. К таким стабилизирующим факторам он относил: а) необходимость координации социальной жизни, требующая предсказуемости поведения других индивидов, снижения неопределённости; б) статистические регулярности; в) инерционность социальных структур; г) социокод как способ кодирования социального знания и соотнесения этого знания с «интерьерами деятельности» [7, с. 137-141; 9, с. 13-15; 10, с. 86-92]. Следовательно, в социальных науках речь должна идти об ограниченности дисциплинарной вечности мерой социальной инерции, а не об её отсутствии [8, с. 397]. До тех пор пока сохраняется инерция, социальные науки вполне способны выполнять функции проблемообразования, выявляя возникающие в обществе

тенденции и информируя общество о перспективах развития выявленных проблем. Однако задача решения этих проблем не входит в компетенцию науки.

Резюмируя, можно сформулировать основное содержание модели нелинейного мышления М. К. Петрова [Там же, с. 397-403, 411-413] в следующих тезисах.

1. Инерционные и обновляющие социальные процессы и явления не могут интерпретироваться в естественно-научных терминах закона и случая, но лишь в «социальных» терминах человеческого творения и наследования (*социальность – человеческое установление*).

2. Физические и социальные системы радикально отличаются друг от друга, но не по структуре своего «поведения» (это «поведение» в обоих случаях репродуктивно), а по возможности воздействия на них с целью изменения (*методологическое тождество и телеологическое противоречие познания физического и социального мира*).

3. Поэтому наличная институциональная система есть лишь (заведомо не лучший) вариант из множества вариантов (*альтернативность социальной истории*).

4. Важность выделения переменных и тенденций М. К. Петровым не отрицается, но рассматривается лишь как первый шаг прогнозирования с целью идентификации и таймирования проблем (*проблемообразующая функция социальных наук*).

5. Методологической базой научного прогноза выступает не анализ цепи последовательных состояний одного и того же, но исследование последовательности выборов состояний, прерываемой актами целенаправленной деятельности (*точечные равновесия*).

6. Снятие выбора действием в пользу того или иного состояния есть монополия живущего поколения людей (*отсутствие авторитетной инстанции, осуществляющей выбор*).

7. Ввиду нестабильности современного социального мира и отставания развития институциональной организации от развития человеческих способностей, необходима перманентная сознательная переделка и перестройка социальной структуры под возможности и способности современного человека в соответствии с принципом «человекоразмерности» (*революционная практика*).

8. Сознательность этой «революционной практики» востребует *каузального описания социальной системы*: «Прежде чем менять тенденцию, необходимо знать, чем она вызывается, что именно будет затронуто ради ее изменения и какие из этого могут произойти следствия» [Там же, с. 402-403].

Нельзя сказать, что основные постулаты этой модели не нашли своего конкретного применения в последние десятилетия, даже независимо от М. К. Петрова и его трудов. Отнюдь, в социологии мы наблюдаем возросший исследовательский интерес к человеку действующему; в политических науках, в экономике, в социологии – расцвет неинституциональных исследований, акцентирующих проблематику человеческой активности в институциональном контексте; в дизайне человек и его свойства были и остаются независимыми переменными в моделировании промышленных изделий и т.д. Эти и другие научные дисциплины и направления используют те или иные постулаты петровской модели, но ни в одном из них последовательно не реализована модель в целом. Общей тенденцией современных социальных наук является игнорирование проблематики, поставленной М. К. Петровым, а именно: принципа человекоразмерности как основы социальной жизни и организации «интерьеров деятельности»; актуальности исследования семиотических структур связей «интерьеров деятельности» со знаковой социальной реальностью в целом; принципа «революционной практики» в отношении существующих социальных структур и институтов и т.д. В то время как самим М. К. Петровым предложена практическая реализация его модели в концепции человекоразмерности регионообразования [6]. По мнению автора данной статьи, последовательное применение в исследовательской практике принципов модели нелинейного мышления М. К. Петрова, а также актуализация примеров конкретных применений этой модели в прикладных исследованиях М. К. Петрова будут способствовать преодолению кризиса гносеологии социальных наук.

Список литературы

1. Аристотель. Метафизика // Аристотель. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1975. Т. 1. С. 63-367.
2. Гарфилд Ю. Можно ли выявлять и оценивать научные достижения и научную продуктивность? // Вестник Академии наук СССР. 1982. № 7. С. 42-50.
3. Ингве В. Гипотеза глубины // Новое в лингвистике. 1965. Вып. 4. С. 126-138.
4. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
5. Лейбниц Г. В. Переписка с королевой Пруссии Софией-Шарлоттой и курфюрстиной Софией // Лейбниц Г. В. Сочинения: в 4-х т. М.: Мысль, 1984. Т. 3. С. 371-394.
6. Петров М. К. Избранные труды по теоретической и прикладной регионалистике. Ростов-на-Дону: Изд-во СКНЦ ВШ, 2003. 144 с.
7. Петров М. К. Искусство и наука. Пираты Эгейского моря и личность. М.: РОССПЭН, 1995. 239 с.
8. Петров М. К. Историко-философские исследования. М.: РОССПЭН, 1996. 512 с.
9. Петров М. К. Самосознание и научное творчество. Ростов-на-Дону: Изд-во Рост. ун-та, 1992. 272 с.
10. Петров М. К. Язык, знак, культура. М.: Наука; Главная редакция восточной литературы, 1991. 328 с.
11. Понпер К. Р. Нищета историцизма. М.: ПРОГРЕСС, 1993. 187 с.
12. Прайс Д. Малая наука, большая наука // Наука о науке. М.: Прогресс, 1966. С. 334-371.
13. Zipf G. K. Human Behavior and the Principle of Least Effort. Cambridge, Mass., 1949.

**M. K. PETROV'S NON-LINEAR THINKING MODEL
AS SOCIAL SCIENCES GNOSEOLOGY CRISIS OVERCOMING PROJECT**

Mikhail Sergeevich Konstantinov, Ph. D. in Political Science
Department of Theoretical and Applied Political Science
South Federal University
konstantinov@sfedu.ru

The author presents the analysis of the non-linear thinking model proposed by the prominent native scientist and philosopher M. K. Petrov for the crisis situation overcoming in modern social sciences gnosology, pays special attention to the worldview and methodological preconditions of this crisis, and believes that the consistent implementation of M. K. Petrov's non-linear thinking model basic principles in research practice helps to overcome social sciences gnosology crisis.

Key words and phrases: social sciences gnosology; scientific paradigm; methodological actualism; culture; behaviour; creativity; non-linear thinking model; project of social sciences gnosology crisis overcoming.

УДК 94(470.4):351.751

Статья раскрывает становление системы распространения печатных изданий в Мордовском крае на примере административных единиц ряда уездов Пензенской, Тамбовской, Симбирской губерний, части территорий, которые в конце 1920-х – первой половине 1930-х гг. вошли в состав Мордовии. Показан процесс формирования новой книготорговой сети в первые годы Советской власти. Основное внимание уделено деятельности Центропечати и ее низовым структурам.

Ключевые слова и фразы: муниципализация; национализация; контрагентство; книжный рынок; железнодорожный киоск; агитпоезд; почтово-телеграфное отделение; уездное агентство; книжная торговля; система распространения; Центропечать.

Ирина Алексеевна Кубанцева, к.и.н., доцент
Кафедра библиотечно-информационных ресурсов
Институт национальной культуры
Мордовский государственный университет им. Н. П. Огарева
kubancevair@rambler.ru

СТАНОВЛЕНИЕ СИСТЕМЫ РАСПРОСТРАНЕНИЯ ПЕЧАТНЫХ ИЗДАНИЙ В 1918-1921 ГГ.[©]

Книжная торговля в России после революции 1917 г. приобрела новый характер. Распространение книг стало общегосударственным делом, печатное слово использовалось не только как орудие просвещения, но и как орудие утверждения советского строя. Созданию новой системы распространения печатных изданий способствовала сложившаяся ситуация на книжном рынке в первые годы после октября 1917 г. В этот период заметно сократился выпуск книг в России. Книжные запасы частных складов и книготорговых фирм были недоступны широкой массе. Цены на литературу завышались, процветала спекуляция. Все негативные проявления, дезорганизовавшие книжный рынок, побудили Советское государство к национализации книжной торговли.

Реквизиция и национализация книготоргового сектора началась вскоре после установления Советской власти. Первыми, кого это коснулось, были крупные российские книготорговцы и книгоиздатели Москвы и Петрограда: М. О. Вольф, А. Ф. Маркс, И. Д. Сытин, А. С. Суворин и др.

Перестраивать книготорговую сеть страны начали с Москвы. 25 октября 1918 г. Президиум Московского Совета рабочих и крестьянских депутатов принял постановление «О муниципализации книжной торговли и книгоиздательства» [6, с. 158-159]. Документ положил начало национализации одного из важных секторов книжного дела, а также узаконивал переход материальных средств книжной торговли в ведение местных органов власти [7, с. 191].

Деятельность в этом направлении осуществлялась в стране повсеместно. Провинция не осталась в стороне от этого процесса. Так, в апреле 1918 г. немедленной конфискации подвергся писчебумажный магазин гражданки Кутузовой на Базарной площади в г. Краснослободске Пензенской губернии [11, д. 8, л. 77]. В срочном порядке силами местной власти в 1918 г. проводилась национализация крупных магазинов в Саранском уезде Пензенской губернии «во избежание полнейшего краха торговли и прекращения торговли из-под полы» [12, д. 13, л. 127].

Активно муниципализация проходила в Тамбовской губернии. Так, в Кирсановском уезде осенью 1918 г. были национализированы пять писчебумажных магазинов. Одним из первых в ведение уездных органов Советской власти перешел крупный по местным меркам магазин М. Фейнберга [3, д. 36, л. 2]. В октябре 1918 г. предписывалось национализировать писчебумажные магазины М. Беляевой, братьев Тимофеевых, Проскуриной,